

УДК 821.0

doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-145-150

ТЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В РАННЕМ БУРЯТСКОМ РОМАНЕ

© *Серебрякова Зоя Александровна*

доктор филологических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
E-mail: serebryakovaza@mail.ru

В статье анализируется тема художественного творчества в бурятском романе конца 1940 — начала 1950-х гг. Обращение бурятского романа уже на начальном этапе его развития к теме художественного творчества свидетельствует о том, что, несмотря на идеологический диктат, проявлявшийся, в частности, в доминировании коллективного начала над личным, писателям удавалось преодолевать нормативность социалистического реализма, проявляя собственные мысли и чувства, собственную индивидуальность и утверждая в произведениях самоценность личности. Народные песни, выражающие общественное мнение о людях и событиях, передающие лирическое настроение персонажей, вплетены в художественную ткань романов «*Степь проснулась*» Ж. Тумунова и «*На утренней заре*» Х. Намсараева. Роман «*Доржи, сын Банзара*» Ч. Цыдендамбаева пронизан духом народного творчества, идеей одаренности, талантности народа, который проявляется в образах сказителя, художника, музыканта и других творцов из народа. Центральным героем романа «*Золотой дождь*» Ж. Тумунова является профессиональный художник, вот почему одной из ведущих выступает проблема миссии художника на земле.

Ключевые слова: бурятский роман; художественное творчество народа; народная песня; романский герой; образ художника; творческая индивидуальность; личностное начало.

К предпосылкам рождения жанра романа в бурятской литературе относятся развитые традиции фольклора, дореволюционной письменной литературы, освоение опыта русской и зарубежной романистики, а также становление и развитие в национальной литературе других жанров, особенно рассказа и повести. Но в отличие от этих эпических жанров роману подвластен весь спектр человеческой деятельности. В относительно короткий срок бурятский роман поднялся до уровня подлинно романного мышления, обретая такие черты, как масштабность, многоаспектность охвата действительности, психологизм в создании характеров, философская глубина постижения мира и человека.

Время появления раннего бурятского романа совпало с периодом активного развития такого историко-культурного и художественного феномена, как социалистический реализм. Его истоки, этапы развития, условия функционирования, а также процесс превращения его эстетических постулатов в «идеологический канон» [3, с. 286] по-прежнему вызывают интерес и активно исследуются. Х. Гюнтер предложил периодизацию соцреалистического канона, основанную на чередовании фаз его сужения и «размыка-

ния»: первая половина 1940-х гг. — период некоторого послабления, т. е. «размыкания» канона; 1946–1952-е гг. — время сужения; 1953 — начало 1970-х гг. — вновь фаза «размыкания» канона [2, с. 285–286].

Хотя можно согласиться с теми авторами, кто отмечает недочеты этой периодизации [5, с. 530–531], ее использование уместно применить к развитию раннего бурятского романа. Первые бурятские романы выходили в конце 1940-х гг. — начале 1950-х гг., но создавались они в основном в 1940-е гг., когда на смену «размыканию» канона пришло его сужение. Этим обусловлено противоречивое единство в них нормативности, идеологической заданности и проявление собственного взгляда писателей на мир, их индивидуальные поисков и подлинно творческих решений.

Уже в романах «Нойһоо һэриһэн тала» («Степь проснулась», 1949 г.) Ж. Тумунова и «Үүрэй толон» («На утренней заре», 1950 г.) Х. Намсараева, в основном отвечающих нормативным требованиям историко-революционного романа, ощущаются чуткость авторов к народному мироощущению и стремление к подлинности в отображении народной жизни. Этим обусловлено, например, органичное включение в эпическое повествование народных песен. В романе «Степь проснулась» они чаще всего выступают как выражение коллективного мнения о конкретных людях и событиях. Импульсом для рождения песни становятся мобилизация на тыловые работы и в семеновские войска, будни партизанской жизни, разлука с родиной, народное гулянье и т. д. Так, не считаясь с формальным статусом героя — Дугара Тапхаева, народная песня может назвать его «захудалым» [8, с. 22–23]. Песня передает настроение героинь Янжимы и Рыгзед. Такой же художественной функцией отмечено изображение героев романа Х. Намсараева «На утренней заре», придает лирическое звучание взаимоотношениям главных героев — Цыремпила и Должид.

При этом художественный эффект спонтанно включаемых в романы произведений народного творчества сказывается на искренности, непосредственности авторской позиции, но сам процесс творческого труда пока остается вне поля зрения писателей. В повествовании отмечается лишь конечный результат в виде лаконичных фраз: «В сердце зародилась песня» [6, с. 94], «звонко, от всего сердца, запела» [9, с. 39] и т. п. Да и сами персонажи не чувствуют себя творцами художественных ценностей. Тем не менее в первом национальном романе «На утренней заре» убедительно воспроизводится атмосфера «сочинения» хороводных песен во время веселой и задорной молодежной вечеринки, проходящей в морозную в ночь в степи, на окраине улуса [6, с. 200–203].

Похожий прием разработки темы народного творчества можно наблюдать и в романе «Банзарай хубүүн Доржо» («Доржи, сын Банзара», 1952 г.) Ч. Цыдендамбаева. Как и во всех ранних бурятских романах, такие приемы, как отмечает С. Г. Осорова применительно к роману Х. Намсараева, «выполняют психологическую, сюжетообразующую функцию» [7, с. 77]. Произведения народного творчества в романе Ч. Цыдендамбаева — уже не отдельные вкрапления в структуру романного текста. Книга буквально пронизана духом народного творчества, идеей богатства дарований и талантов

народа, и во многом это обусловлено спецификой восприятия ребенка, наделенного живым воображением. Будни и редкие праздники земляков Доржи одухотворены чудесными сказками, завораживающими маленького героя, душевными песнями, мудрыми пословицами, поговорками, загадками, помогающими справляться с невзгодами. С мнением улигершина Борхонока, о том, что улигеры, разгоняющие грусть, очищают душу, зажигают в людях огонь смелости, дают им силу [10, с. 9], солидарен и сам автор, высоко оценивающий роль народного творчества в жизни своих героев. Да и читатель романа может убедиться, что почвой для народного творчества служит сама жизнь, когда вместе с Доржи наблюдает процесс рождения народной песни, которую герой позже услышит в нескольких вариантах. Автор показывает, как труд, быт, а главное — созидательный гений народа рождают сокровища народного творчества.

Ч. Цыдендамбаев уделяет внимание и процессу восприятия произведений народного творчества персонажами романа — они восхищаются талантом рассказчиков, исполнителей улигеров, певцов, златокузнецов, искусных швей, вышивальщиц, резчиков и других мастеров и мастериц. Народное творчество в романе «Доржи, сын Банзара» уже не выступает только как результат деятельности безвестных творцов, оно персонифицировано в образах конкретных героев: сказителя Борхонока, художника и резчика по дереву Эрдэмтэ, музыканта и рассказчика Еши, златокузнецов Балды и Хэшэгтэ, мастеров импровизации Жалмы, Дулсан, Рандала и других.

В образе Борхонока в силу особенностей детского восприятия мальчика Доржи подчеркивается противоречие между сложившимся представлением об облике сказителя, его внешней значительностью и действительной непривлекательностью старичка в поношенной одежде. Но затем первоначальное впечатление маленького героя опровергается и отрывается значимость личности и сила таланта сказителя.

Благодаря Ч. Цыдендамбаеву образ улигершина занял почетное место в галерее образов бурятского романа, как и другие герои, наделенные оригинальным дарованием, Балда, Эрдэмтэ, Еши, в своих творениях отразившие сущность бытия. Такая интерпретация образа художника выходила за рамки официального понимания народности искусства, такого отношения к художнику, которое оставляет за скобками то, что не соответствует соцреалистической идейности.

Роман «Доржи, сын Банзара» в 1952 г. подвергся критике за идеализацию дореволюционного прошлого и за то, что он проникнут буржуазно-националистической идеологией [1, с. 118]. И хотя вскоре оценку пересмотрели, прозаик, предвидя негативную реакцию, был вынужден преувеличивать роль классовых моментов, в том числе и раскрывая тему творчества. Поэтому даже в искусных узорах на ножнах, сделанных Бадлой, как и в мастерской игре на хуре Еши, писатель должен был воплотить идею непримиримых классовых противоречий. В соответствии с нею судьба почти всех одаренных героев-художников в романе трагична. Тем не менее Ч. Цыдендамбаеву удалось выразить собственное понимание прошлого, в соответствии с которым народ был не только жертвой эксплуатации, но и создате-

лем замечательных художественных произведений, а в его жизни были не одни беды и тяготы, но и оптимизм, надежда, прекрасное и комическое, поэзия, музыка, радость творческого созидания.

Роман Ж. Тумунова «Золотой дождь» остался незаконченным из-за смерти автора в 1955 г. Хронологически он относится к рассматриваемому периоду. Впервые в национальном романе появляется образ профессионального художника, причем в роли центрального героя. По отношению к черновому варианту текста анализ полноты и убедительности образа художника был бы не вполне корректен. В связи с этим нам приходится рассматривать лишь аспекты, связанные с творчеством; при этом неизбежны предположения, касающиеся замыслов автора, его намерений и оценок.

Названием романа стало название картины молодого художника Минжура Жамганова, на которой изображено овсяное поле его родной Еравны. Именно с ним связан символ золотого дождя овсяных зерен, проходящий через весь роман.

Писатель показывает контраст между веселым настроением полного надежд Минжура, несущего свою картину на выставку, и огорчением хмурого, расстроенного художника после ее обсуждения. Причина неприятия картины не совсем понятна, но такое отношение ранит художника, и именно его переживаниям уделено основное внимание романиста.

Суть претензий ценителей трудно уловить из скупых отрывочных реплик его друзей, упрекающих его в том, что «картина похожа на плоскую стену», и из содержания газетного отклика, в которой отмечается, что картина «холодна, равнодушна» [8, с. 5, 21]. Главная же вина художника в том, что он осмелился защищать свое детище, пренебрег советами старших товарищей. Такое поведение воспринимается как вызов, неприемлемый в пору непререкаемой общественной оценки. В этих эпизодах писатель воспроизвел атмосферу разносов, которым подвергались представители всех творческих профессий, свидетелем которых он был и которые были нормой советской действительности 1930–1950-х гг. В этом же духе интерпретирует образ Минжура Ц.-А. Дугар-Нимаев: «Минжур Жамганов показан как горячий, во многом невыдержанный молодой художник, влюбленный в свое искусство, а больше всего в собственные картины. Малейшее критическое замечание в адрес его картины он встречает с неприязнью, болезненно, не считаясь со справедливыми замечаниями своих товарищей» [3, с. 77].

Несмотря на то, что картину раскритиковали, воплощенный на ней образ овсяного поля дорог художнику, так как это и символ родной земли, и плод его творческого труда. Он возвращается в родные места, чтобы обрести душевное равновесие. Минжур вновь пишет этюды для «Золотого дождя», хотя считает картину законченной, но «белые волны овсяных полей» побуждают его к творчеству. Писатель мастерски воспроизводит своеобразие восприятия художника: «Удивительно меняется цвет растений, когда набегают тени облаков! По цветам и по траве, по кустам и березняку, на опушке леса словно проносится темно-синий дымок, а на белое овсяное поле, кажется, кто-то накидывает черный платок» [8, с. 23].

Фронтальная жизнь, опыт руководства бойцами, размышления о творчестве обогатили Минжура как личность и как художника. Вспоминая родные места, он урывками делает зарисовки в своем походном альбоме. Одна из них — несжатая нива овса среди снежного поля. Художник мечтает написать картину, которая бы нашла отклик в сердцах людей, картину-песню и уже видит ее: «...на необозримых просторах родной Еравны мерно, под летним солнцем и ветром, белым океаном волнуется «золотой дождь» — овес, посеянный не для гибели среди зимы и рева снарядов, а для радостной, мирной, счастливой жизни человека» [8, с. 284]. В финале романа герой полон желанием служить своим творчеством родной стране.

Роман «Золотой дождь» уникален не только как роман о Великой Отечественной войне, но и как первый роман о профессиональном художнике, в котором ставятся и решаются проблемы творческого труда и миссии художника.

Таким образом, тема народного творчества и профессионального искусства, достаточно полно и многопланово раскрытая в раннем бурятском романе, свидетельствует о том, что писателям удавалось преодолевать жесткость нормативных требований идеологии тех лет и выражать собственное видение мира, свое понимание сути и роли творческого начала в деятельности как народа, так и личности.

Литература

1. Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.
2. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 281–288.
3. Дугар-Нимаев Ц.-А. Жамсо Тумунов: краткий библиографический очерк. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 156 с.
4. Ковский В. История подлинная и мнимая // Избавление от миражей. Соцреализм сегодня. М.: Сов. писатель, 1990. С. 270–294.
5. Лахусен Т. Соцреализм в поисках своих берегов: несколько критических замечаний относительно «исторически открытой эстетической системы правдивого изображения жизни» // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 523–536.
6. Намсараев Х. Н. На утренней заре / авториз. пер. с бурят. М. Степанова. М.: Сов. Россия, 1978. 208 с.
7. Осорова С. Г. Психологическое мастерство Х. Намсараева в романе «На утренней заре» // Творчество Х. Намсараева. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. С. 72–77.
8. Тумунов Ж. Т. Золотой дождь / пер. с бурят.-монг. И. Луговского. Улан-Удэ: Бурят-монг. кн. изд-во, 1958. 288 с.
9. Тумунов Ж. Т. Степь проснулась / авториз. пер. с бурят. А. Митрофанова и С. Родова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 366 с.
10. Цыдендамбаев Ч. Доржи, сын Банзара / авториз. пер. с бурят. М. Степанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 421 с.

THEME OF ARTISTIC CREATION IN THE EARLY BURYAT NOVELS

Zoya A. Serebryakova

Dr. Sci., A/Prof.,

East-Siberian State Institute of Culture

1 Tereshkovoy St., Ulan-Ude 670031, Russia

The article deals with the theme of artistic creation in Buryat novels of the late 1940s – early 1950s. The appeal of Buryat novels to the theme of creative art at the initial stage of its development shows that, despite the ideological dictatorship of those years, manifested, in particular, in the dominance of collective consciousness over personal, writers succeeded in overcoming the strict requirements of socialist realism for expressing their own thoughts and feelings, asserting in the works inherent value of the individual. Folk songs usually expressing the public views on people and events, conveying lyrical mood of the characters, are woven into the artistic fabric of the novels "Steppe Woke Up" by Zh. Tumunov and "In the Early Dawn" by Kh. Namsarayev. The novel "Dorzhi, the Son of Banzar" by Ch. Tsydendambaev is permeated with the spirit of folk art, idea of the people's giftedness and talent. The images of the storyteller, artist, musician and other creators of the people are presented in this work. The central character of the novel "Golden Rain" by Zh. Tumunov is a professional artist, its main idea is the problem of mission of the artist.

Keywords: Buryat novels; artistic creation of the people; folk song; novel hero; image of the artist; creative individuality; personality.